

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ОПЕР С ОСОБЫМ ЧУТЬЕМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Опер с особым чутьем / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Беспокойное лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-248403-2

Война только закончилась. Демобилизованный Павел Горин спешит увидеться со своей невестой. Но неожиданно находит ее дома убитой. Павел решает лично найти убийцу и возвращается на службу в угро, где работал до войны. Тем временем в городе бесчинствует банда, которая с особой жестокостью расправляется со всеми, кто становится на ее пути, а также со свидетелями. Очевидно, что бандитами руководит кто-то опытный и беспощадный. А что, если убийство девушки — тоже дело рук этих негодяев? Эта версия захватывает Горина, тем более что в поле зрения следствия попадает один очень подозрительный субъект...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-248403-2

ГЛАВА 1

Серия хлопков порвала сонную тишину городка. Ночь едва началась, тьма окутала неказистые постройки. Стреляли неподалеку от армейских складов на улице Камышинской. Комендантский час канул в Лету, но в темное время суток Вдовин вымирал, из подворотен выбиралась нечисть — вездесущий криминал, наводящий ужас на мирных граждан. Группа реагирования прибыла через три минуты — караульное помещение находилось в соседнем квартале. Пришлось поплутать, трое свернули не в тот переулок и пошлепали по лужам. Вечером по городу прокатилась сильная гроза, вода еще не впиталась в землю.

— Сюда, товарищ младший сержант! — пронзительно закричал боец, и все припустили на зов.

Улица Камышинская в западной части Вдовина петляла, как горная река, огибала складские и хозяйственные постройки. Армейский па-

трюль подвергся атаке у входа в узкий переулок, где обрывался дощатый забор. Ограду прикрывали кусты акации и уродливые тополя. Три тела в армейском облачении лежали на проезжей части дороги. Бойцов застали врасплох, их атаковали из переулка, ослепив фонарями, перестреляли из пистолетов. У парней не было шанса спастись. Автоматы и запасные магазины пропали — очевидно, в этом и состоял смысл нападения. Подбежавшим солдатам предстала странная картина. Их товарищ одной рукой удерживал фонарь и цевье автомата, его палец дрожал на спусковом крючке. Он бормотал срывающимся голосом: «Ни с места, тварь, не шевелись, стрелять буду...» Возле тела на корточках сидел мужчина в штатском, щурился от яркого света. Он был без оружия, по крайней мере, руки были пусты. Возможно, он пытался помочь сержанту — тот еще вздрагивал, царапал ногтями сырой грунт, пытался открыть глаза. Это удалось, умирающий издал последний вздох и затих. Глаза с тоской устремились в бездонное небо, затянутое тучами.

— Встать, падла! — прорычал старший. — Руки вверх, медленно поднимайся!

— Товарищ младший сержант, разрешите его пристрелить? — взволнованно бормотал боец. — Ребята погибли — Петруха Чернов, Максимка

Перепелицын... Неужели живым будем брать этого гада?

— Отставить, Семченко... Поднимайся, урод, уши ватой забил?

— Мужики, вы чего, белены объелись? — У незнакомца был хрипловатый выразительный голос. Он не стал делать резких движений, медленно встал с поднятыми руками. — Не я их убил... шел по соседней улице, услышал выстрелы, прибежал...

— Заткнись, — процедил подтянутый младший сержант. — Калитников, Шмыгарь, осмотреть окрестности! Малахов, держи этого типа на мушке! Семченко, обыщи его!

Дураком сержант не был, поэтому имел резонные сомнения. На патруль напали с целью завладения оружием — и своего добились. При чужаке ничего не было. Не спрячешь под курткой три ППШ и подсумки с дисками. Оттащил в сторону? За каким, спрашивается, хреном? А самому убежать не судьба? Пристрелить троих ума хватило, а сделать ноги, значит, нет? Незнакомец волновался, но держал себя в руках. На вид ему было прилично за тридцать, рост чуть выше среднего, ладно сложен, русые волосы с сединой. Глаза какие-то необычные — то ли голубые, то ли светло-серые. Семченко повесил автомат на плечо,

схватил мужчину за ворот. Боец еле сдерживался, погибли близкие товарищи. Семи пядей во лбу явно не было. Резким движением он оторвал пуговицы на куртке задержанного — не расстегивать же каждую! Мужчине это не понравилось, последовало инстинктивное защитное движение. Семченко рассвирепел, вырвал руку, замахнулся. Незнакомец ее перехватил, оттолкнул бойца. Семченко чуть не упал, пришел в бешенство, скинул с плеча автомат и передернул затвор.

— Семченко, отставить! — взревел младший сержант. Он лично обшарил строптивного незнакомца. В карманах не нашлось ничего интересного: папиросы, спички, скомканный носовой платок, паспорт гражданина СССР на имя Горина Павла Андреевича. Красноармеец держал «злоумышленника» на мушке, сержант изучал находки в свете фонаря.

— Товарищ младший сержант, нет в округе никого! — доложил вернувшийся боец. — Ушли, сволочи, как в воду канули. Только этот остался...

— Ты что тут делал, сука?! — Выдержка изменила, сержант схватил мужчину за ворот.

Тот не менялся в лице, смотрел раздраженно, с какой-то грустью.

— Сержант, ты же не тупой, — вздохнул он. — Понимаю, подозрительная личность на месте

преступления, но ты сам раскинь мозгами. Мимо шел, понимаешь? Это преступление? Комендантский час отменен. Мы свободные граждане свободного государства. Прибежал на выстрелы, мало ли что. Не знал, что ваши пострадали. Преступники ушли — забрали оружие и сгинули, никого не видел. Этот парень еще шевелился, я ему помощь хотел оказать.

Сержант закрипел зубами. Живых не осталось — тела осмотрели. В караулке на соседней улице уже шумели. Подбежал офицер, оценил ситуацию, крепко выразился. Разносились крики: всех в ружье, прочесать окрестные улицы! В городе для охраны складов осталось небольшое подразделение — подняли всех. Из караулки позвонили в милицию, и стражи порядка прибыли быстро. Из переулка вывернула разбитая «эмка», закрипели тормоза. Свет фар озарил картину происшествия. Вышли двое в форме, один в штатском. Окровавленные тела были не самым привлекательным зрелищем. Коренастый мужчина в короткой замшевой куртке с рыжим отливом поморщился. У него был мясистый нос, вьедливые глаза, лысая голова, на лице щетина. Он исподлобья обозрел тела, уставился на задержанного. Последний смиренно стоял на коленях, смотрел в землю. Руки были заведены за

спину. Над душой, расставив ноги, завис автоматчик.

— И что тут у вас? — проворчал бритый.

— Держите. — Начальник патруля сунул ему паспорт и скупно обрисовал ситуацию: — Оружие и патроны у ребят забрали. Документы не тронули — значит, шли только за оружием. Вот же суки... — не сдержался сержант. — Убивать-то зачем?

Мужчина с голым черепом пожал плечами. Вопрос был правомерен, но глуп. Убивали и за рубль, и за пачку папирос. Человеческая жизнь перестала быть ценным товаром.

— Будете забирать? — спросил сержант. — Личность подозрительная. Документ может оказаться поддельным.

— Еще какая подозрительная личность, — согласился бритый, смерив взглядом незнакомца. Где она, эта грань, отделяющая подозрительных людей от тех, что внушают доверие? Разбираться на месте рядом с трупами как-то не хотелось.

— Семенов, останься, запротоколируй тут все, — проворчал мужчина. — Не будем рассчитывать на военную прокуратуру. А мы — в отделение. Рахимов, наручники взял? Пакуй хлопца, поедem разбираться, что за гусь к нам залетел...

Отделение РКМ находилось в центральной части Вдовина, неподалеку от городского парка (окрещенного жителями «городским лесом»). Найти в этом городе здание выше двух этажей было проблематично. Стражам порядка выделили кирпичное строение без архитектурных излишеств. Оно сошло бы за конюшню, если бы не странная башенка на крыше, напоминающая луковицу. Над крыльцом трепетал флажок Союза ССР. Окна первого этажа были забраны решетками. Водосточные трубы и пожарные лестницы отсутствовали, забраться по стенам на крышу было невозможно. Проникнуть внутрь без санкции — тоже проблемно, проход преграждала решетчатая дверь, за которой сидели дежурные. Полгода назад райотдел подвергся нападению. Банда была отчаянной, состояла из бывших офицеров Красной армии (каждый имел свою причину ступить на скользкую дорожку). Разбойники решили отбить главаря, попавшегося на деле. Бросили гранату, прорвались с автоматами внутрь. Милиционеры отбились, в здании допоздна засиделись опера — тоже бывшие офицеры, о чем бандиты не знали. Трех потеряли, трех ликвидировали — так и закончили вничью. Злоумышленники бежали, и остро встал вопрос обеспечения безопасности тех, кто обеспечивал безопасность населения...

Ночь была в разгаре, большая часть сотрудников отдыхали. Мужчина с бритым черепом сидел за столом, отрешенно перекладывал с места на место бумаги. Ночное происшествие на Камышинской просто доконало его. Преступники ушли, военные ничего расследовать не будут. Они вообще доживают последние дни в этой дыре, склады перевозят в Ленинград, личный состав тоже завтра-послезавтра уйдет. Дел по горло, бандитизм процветает, а тут еще это...

Он угрюмо смотрел, как конвоир вталкивает задержанного. Запястья арестанта были скованы наручниками — от греха подальше. Человек за столом еще не спал, глаза слипались. Дома его ждали жена, дети... Да какого черта, нет у него никаких детей и никогда не будет! Он усердно заговаривал злость. Субъект в наручниках ему решительно не нравился, он смотрел спокойно, словно ничего не боялся! По знаку конвоир подтолкнул его к стулу, вышел. Молчание затянулось. Этот тип несказанно бесил, и сохранять спокойствие становилось все труднее. «Посетитель» равнодушно обозрел стены с облезлой штукатуркой, портрет товарища Сталина над головой начальника уголовного розыска и остановил взгляд на «гражданине начальнике». На бродягу он не тянул. Одежда была чистой, целой — если

не замечать оторванные красноармейцем пуговицы. Взгляд немного «плавал» — значит, не обошлось без рукоприкладства. Но человек держался.

— Капитан Куренной Вадим Михайлович, начальник Вдовинского уголовного розыска, — представился мужчина. — А ты чьих будешь, мил человек? Какими делишками промышляешь?

— Паспорт у вас, — разлепил губы задержанный. — Документ не поддельный, можете проверить.

— А так не помнишь? — Куренной оскалился, выдвинул ящик и извлек паспорт. — Так-с, Горин Павел Андреевич, одиннадцатого года рождения, неженатый, дети отсутствуют, прописан в Новгороде... вернее, уже не прописан — выписан. Бродяжничаем, гражданин? Нигде не работаем, ведем антисоциальный образ жизни? Ох, мужик... — Куренной отбросил красную книжицу, с прищуром воззрился на задержанного: — Ты даже не представляешь, сколько я подобных перевидал на своем веку. Коммунист?

— Сочувствующий. — Губы задержанного перекосила усмешка. Впрочем, он быстро ее стер.

— Как это? — не понял Куренной.

— Всецело поддерживаю линию партии, но сам еще не вступил.

— И не вступишь. — Куренной хмыкнул. — Кто же ты, добрый странник? Долго будешь нас за нос водить?

— Горин Павел Андреевич...

— Да хоть Рамзес Тутанхамонович, — отрезал капитан и начал багроветь. Но пока держался. Распустишь руки посреди ночи — потом до утра не успокоишься. — Ты глубже в себя копни, мил человек, суть нам свою изложи. Да не завирайся. Пару подзатыльников ты уже выпросил, можем добавить.

Скрипнула дверь. В кабинет проникла зевающая женщина — лет тридцати, может, больше, высокая, худая, с темными волосами и каким-то заостренным лицом. Ее можно было назвать привлекательной, но образ портили недобрый взгляд и чересчур выпуклые скулы. Женщина носила мужские брюки, темный жакет, и что-то подсказывало, что в этих стенах она не чужая.

— Не помешаю, Вадим? — У нее был хрипловатый, но в целом приятный голос.

— Присутствуй, — кивнул Куренной. — Вдвоем мы быстро разберемся, что за гусь у нас хрустальный.

Женщина обошла задержанного, не сводя с него насмешливого взгляда, внимательно изучила лицо — и только после этого присела на свободный стул.

— Прошу любить, — сказал Куренной, — Латышева Кира Сергеевна, старший оперуполномоченный Вдовинского уголовного розыска. В ее присутствии лучше не ври, приятель.

— Всегда ваша. — Женщина хищно оскалилась.

— Польшен, — пробормотал Горин. — Ладно... уже представился. Уроженец Новгорода, до войны работал в звании старшего лейтенанта в Сухомлинском райотделе милиции, занимал должность оперуполномоченного уголовного розыска. В сороковом году переведен в отдел по борьбе с бандитизмом в том же районе — исполнял обязанности заместителя начальника отдела. Осенью сорок первого одобрили прошение, отправили на фронт. Командовал взводом. Через год дали капитана — возглавил роту полковой разведки. Участвовал в боях под Москвой, переведен на Ленинградский фронт. Белоруссия, Польша, Германия. Имею медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», орден боевого Красного Знамени — за участие в освобождении Кракова и Бреслау. Три ранения — в сорок втором, сорок третьем и марте сорок пятого — три месяца назад. Ранение было незначительным, но сопровождалось обширной контузией. Пока лечился, кончилась война. Демобилизован три недели назад.

В Новгороде... потерял жилье, но бродяжничать не намерен. В город Вдовин прибыл по личным делам, что не возбраняется законом. Снимаю жилье по адресу улица Кленовая, 14, квартира 6. Это две отдельные комнаты на втором этаже барачного строения. Хозяйка — Евдокия Семеновна Свечникова, пенсионерка, проживает в доме напротив, квартира, кажется, 11... Я могу идти, товарищи начальники?

— Во насвистел... — с каким-то восхищением выдохнула женщина. — Мне бы научиться так свистеть... Разреши, я ему тресну, Вадим? Со всей, так сказать, пролетарской принципиальностью. — Женщина сжала кулачок. Он был хоть и маленький, да, похоже, удаленький.

— Подожди, — поморщился Куренной. — Нагородил ты, конечно, густо, Павел Андреевич. Особенно впечатлило твое боевое и милицееское прошлое. Коллега, так сказать. Ну-ну. Не молод ты был — ходить перед войной в начальниках по борьбе с бандитизмом? Хотя согласен, судят не по годам, а по делам. И знаешь, я даже не отрицаю, что ты не врешь. Вроде не дурак, должен понимать, что все легко проверяется.

— А свое боевое прошлое, дружок, — если не врешь, конечно, — засунь себе в одно место, — посоветовала Кира. — Мы тоже не на печи лежа-

ли. А банда ублюдков, которую накрыли полгода назад, сплошь состояла из офицеров — с заслугами, ранениями и тому подобным. Убивали не глядя — хоть детей, хоть стариков.

— Ладно, замнем. — Куренной поднялся размять кости. — Личные дела, говоришь, привели во Вдовин? Допустим. Мы не любопытные, через окна за порядочными гражданами не подглядываем. Какого хрена ты оказался ночью на улице Камышинской, где склады и арсеналы Наркомата обороны — то есть объекты явно не развлекательные?

— Шел на улицу Тургенева, — неохотно выдавил задержанный. — Не подглядываешь, говоришь, через окна, капитан?

— Обрати внимание, Вадим, — сказала Кира, — этот темнила гладко выбрит. Аж до синевы. А вы, мужики, не большие любители бриться — особенно по ночам. Вас из-под палки не заставишь это сделать. Раз в неделю, и то со скандалом, когда уже жена ворчит и начальство косо поглядывает. К бабе шел?

— Молодец, Кирюха, а я внимания не обратил. — Куренной усмехнулся. — Все-таки есть в вас что-то, в бабах. Согласен, перед ограблением бриться необязательно. А время для свидания не позднее, Павел Андреевич? В котором часу там

тебя прибрали — считай, в полночь? Не подкинешь адресок зазнобы?

— Не подкину, — проворчал Горин. — Слушайте, граждане начальники, вам самим-то не смешно? Заняться нечем? Всех преступников переловили? Настоящую банду ищите — ту, что молодняк в форме ликвидирует и оружие похищает. Шел я мимо, понятно? Выстрелы услышал, побежал. Да, не в другую сторону, а именно туда, где стреляли. Натура такая. Назовите это храбростью или глупостью, мне плевать. Злодеи уже ушли — никого не видел и не слышал. Из переулка выбежал, а там тела. Фонаря не было, но видно же. Тот парнишка еще дрожал, не пройду же я мимо него? А потом военные набежали, давить начали...

В помещении наступило продолжительное молчание. Кира недоверчиво кривила нос. Куренной устремил на арестанта долгий взгляд. Задержанный попался не из трусливых, дерзил, нарывался на новый подзатыльник. Не мог он участвовать в нападении. Теоретически мог быть сообщником, но... Тоже версия для слабых умом. По случайности оказался именно там и именно в это время. Случайности случаются. Пытать, колоть, заставлять признаться в том, чего не делал? Можно, занятие нехитрое, и раскрываемость по-

высится. Но банда продолжит убивать — теперь уже из автоматов...

— В город на чем прибыл? — проворчал Куренной. — Поездом из Пскова?

— Мог бы им, — кивнул Горин, — до войны бы так и сделал. На хрена спрашиваешь, Куренной? Ветка из Пскова разрушена в ходе боев, сам это знаешь, и пока у советской власти нет ресурсов для ее восстановления. Вокзал работает, но направление одно: на север, через Сланцы и Кингисепп — в Ленинград. Оттуда, кстати, и прибыл поездом, ты не ошибся. Станция конечная, все выходят.

Ответ был правильный. Куренной кусал губы. Кира украдкой поглядывала на начальника, делала серьезное лицо. Не нравился никому этот парень, но его и не вешать на стенку для украшения интерьера. Арестант неважно себя чувствовал. Он держался, но как-то вдруг напрягся, кожа на скулах побелела. Он закрыл глаза, начинался приступ боли. Забилась жилка на виске. Стало легче, мужчина расслабился, открыл глаза. В них поблескивал насмешливый огонек. Кира склонила голову, проявляя любопытство. Перевела взгляд на начальство. «Да, Вадим Михайлович, возможно, этот тип и непричастен к нападению, — говорили ее глаза, — но не отпускать же его?»

Действительно, как можно. Так не поступают советские милиционеры.

— Ну что ж, Павел Андреевич. — Куренной зашевелился, стал подниматься из-за стола. — Будем считать, что на сегодня мы закончили. Пора есть, как говорится, а мы еще не спали. Все устали, пора на покой. Посидите, подумайте, может, придет в голову что-то интересное. А мы пока наведем о вас справки. Вы чем-то недовольны?

— Не обрадовали... — Арестант испустил тяжелый вздох.

Куренной поступал логично, он обязан был задержать незнакомца до выяснения личности.

— С вами все в порядке, Павел Андреевич? Может, врача позвать? К сожалению, раньше десяти утра он не появится.

— Не надо, перебыюсь...

Куренной вызвал конвой. Задержанный поднялся, но закружилась голова. Он потерял ориентацию в пространстве, сел обратно. Охранник перехватил взгляд начальства, не стал зверствовать, помог человеку подняться, вывел из кабинета.

Голова трещала, как последняя сволочь. Подкашивались ноги. Страж спустил его в подвал, завел в камеру. Горела тусклая лампочка, обросшая жиром и пылью. В тесном пространстве стояли